

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ (Пселл и семья Кирулариев)

Отношения между Михаилом Пселлом и Михаилом Кируларием¹ давно волновали воображение историков. Виной тому — главным образом два обстоятельства: во-первых, оба византийца — крупные исторические и культурные деятели, во-вторых, в отношениях этих людей угадывалось кипение политических страстей, эпизоды, полные внутреннего накала и драматизма. В настоящей статье нас интересует не столько внешняя канва, сколько мотивировка событий и действий, внутренний механизм драмы, разыгравшейся в середине XI в.

Отношения Пселла и Кирулария можно восстановить в основном по следующим источникам.

1. Речь против Кирулария, написанная Пселлом по заказу императора Исаака Комнина и предназначенная для произнесения в синоде в конце 1058 г. Речь так и не была произнесена, ибо Кируларий умер, не дождавшись суда. Подробный русский пересказ сделан П. Безобразовым². Полный греческий текст с французским переводом впервые напечатан Брейе³ и с некоторыми исправлениями перепечатан в «Малых сочинениях», изданных Курцем и Дрекслем⁴.

2. Энкомий Пселла Михаилу Кируларию, произнесенный в одну из годовщин смерти последнего (Bibl. gr., IV, p. 303—387). Время произнесения речи можно ограничить периодом правления Константина X (1059—1067)⁵.

3. Письмо Пселла Кируларию (Bibl. gr., IV, ep. 159). В письме упоминаются «солнце» и «луна», т. е. император и императрица, под которыми могут иметься в виду Константин IX Мономах и Зоя или Исаак Комнин

¹ Михаилу Кируларию — «виновнику» разделения восточной и западной церквей — посвящена огромная литература. Это избавляет нас от необходимости пересказывать биографию патриарха. Из последних работ на русском языке назовем статью: М. Скуломов. Разделение церквей в 1054 г. — ВИ, 1956. Там же содержится сравнительно полная библиография вопроса. Более новая литература указана в кн.: «История Византии», т. 2. М., 1967, стр. 449, прим. 43 к гл. 10. Специально отношениям Пселла и Кирулария посвящена статья: A d'Alès. A Byzance: Psellos et Cérulaire. — «Études SJ», 168, (1921), p. 178—204, к сожалению, оставшаяся нам недоступной.

² См. ЖМНП, ч. 265, 1889, стр. 32—84.

³ См. REG, 16 (1903), p. 375—416; 17 (1904), p. 35—76. Ряд серьезных критических замечаний к толкованию Брейе текста речи см. E. Kurtz. Ist Psellos so schwer zu übersetzen? — BV, 13, 1906.

⁴ Psellos. Scripta minora, I. Milano, 1936, p. 232—328.

⁵ П. Иоанну (Psellos et le Monastère Tá Ναρσοῦ. — BZ, 44, 1951, S. 288) и вслед за ним А. Михель (A. Michel. Schisma und Kaiserhof im Jahre 1054. — «1054—1954. L'Église et les églises», 1954, p. 434) относят эту речь ко времени патриаршества Ксифилина (т. е. после января 1064 г.). Попытка Сикутриса определить более точно время произнесения речи (1062—1063) малоосновательна (см. J. Sykutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — BZ, 30, 1929/30, SS. 63—64).

и Екатерина. Первое более вероятно, поскольку в письме содержатся жалобы на неблагоприятные перемены в судьбе автора — видимо, намек на преследования партии Лихуда — Пселла в конце 40-х годов со стороны логофета Иоанна. Возможно, его и имеет в виду Пселл, когда пишет о «преследующем..., который уже наступает мне на пятки» (р. 412, 22—23). Следовательно, наиболее вероятное время составления письма — до 1050 г. (год смерти императрицы Зои).

4. Письма Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 56, 57, 58⁶). Во всех трех письмах содержатся намеки на монашество отправителя. Это дает основания датировать их 1055—1058 гг. — временем между принятием Пселлом схимы и опалой патриарха.

5. Письмо Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 160). В письме выражается благодарность и осторожный упрек в связи с рыбой, присланной патриархом не прямо, а через своего племянника. Письмо можно сопоставить с посланием Пселла к племяннику патриарха (Scr. min., II, ep. 214), где писатель благодарит адресата за присылку рыбы от дяди-патриарха. Поскольку письмо к племяннику датируется временем Феодоры, к тому же периоду следует отнести и это послание патриарху⁷.

6. Письмо Пселла Кируларию, недавно опубликованное Г. Вейсом (Forschungen..., S. 46—49). Поскольку в письме говорится о царствовании императрицы (Феодоры) и об отсутствии Пселла в столице, можно предполагать, что оно написано сразу после пребывания писателя на Вифинском Олимпе в 1055 — начале 1056 г. Письмо содержит ретроспективный экскурс об отношениях Пселла и Кирулария и потому представляет первостепенный интерес для наших целей.

7. Сочинение, адресованное Пселлом Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 207). Сочинение это находится в рукописи среди писем и таковым считается всеми исследователями (в «Истории Византии», т. 2, стр. 280, оно названо «открытым письмом»). Такому жанровому определению мешают два соображения: а) в тексте содержится прямое обращение к императору (р. 511, 27: «Ты, божественный император»). Такого рода обращение естественно ожидать не в письме, а в речи, к тому же произнесенной в присутствии императора⁸; б) переходная фраза: «Но возвратим снова нашу речь на свой путь» (р. 511, 30—31) — весьма характерна у Пселла для произведений, предназначенных для устного произнесения. Скорее всего, это сочинение — не письмо, а конспект или запись речи, произнесенной или подготовленной к произнесению Пселлом.

Ученые расходятся в датировке этого произведения. Одни относят его к 1053—1054⁹, другие — к 1057—1058 гг.¹⁰ Никаких доказательств в подкрепление той или иной точки зрения привести невозможно.

Два письма Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 59; 164) датированы быть не могут. Два других письма адресованы патриарху без указания его имени. Первое из них (Bibl. gr., V, ep. 162) написано от имени учителя

⁶ Напечатанное у Сафы под № 56 письмо по другой рукописи (Cod. Baross., 131) издано в Scr. min., II, ep. 208.

⁷ П. Безобразов («Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл». М., 1890, стр. 22—23) ошибочно относит это письмо ко времени Константина Мономаха, как и Г. Вейс (G. Weiss. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des M. Psellos. — «Byzantina», IV, 1970, S. 28, Anm. 63).

⁸ А. Михель (Schisma und Kaiserhof..., S. 432) считает, что *θεωτάτη βασιλεύ* — ироническое обращение к патриарху. Контекст исключает такое толкование: Пселл призывает императора «затушить пожар», разоженный патриархом.

⁹ H. Mädler. Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. — «Progr. Plauen», 1884, S. 14; W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. — «Progr. Plauen», 1883, S. 18, Anm. 2.

¹⁰ B. Rhodius. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. — «Progr. Plauen», 1892, S. 16—17; П. Безобразов. Указ. соч., стр. 84 сл.

школы Диаконисы, и авторство Пселла вообще сомнительно ¹¹. Второе (Bibl. gr., V, ep. 139) может быть атрибуировано Кируларию лишь предположительно ¹².

8. Сочинение, озаглавленное «Как делать золото», обращенное к патриарху Михаилу (Vat. gr. 672, fol. 73). Представляет собой, видимо, трактат по алхимии.

9. Письма Пселла племянникам Кирулария. У Михаила Кирулария было два племянника — сыновья умершего около 1041 г. старшего брата Михаила — Константин и Никифор ¹³. Время рождения братьев — около середины 30-х годов; по словам Пселла, они едва помнили отца (Bibl. gr., IV, p. 351). Оба брата были отданы патриархом в обучение Пселлу (Bibl. gr., IV, p. 352), затем занимали ряд высших государственных должностей, в 1058 г. подверглись опале вместе с патриархом, а после смерти Кирулария были восстановлены Исааком Комнином в прежних должностях ¹⁴. В леммах ряда писем Пселла указаны следующие должности и титулы адресатов: великий друнгариий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 83; Scr. min., II, ep. 214 (издано по Vatic. gr., 712 и Barber. gr., 240);

великий друнгариий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 83; Scr. min., II, ep. 214 (издано по Vatic. gr., 712 и Barber. gr. 240); ὁ ἐπί τῶν χρίσεων (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 157; оно же — Barber. gr., 240, fol. 163 ¹⁵; лемма Scr. min., II, ep. 214 по Barber. gr., 240, fol. 163; севаст — Scr. min., II, ep. 214, в Vat. gr., 712; протопродр и друнгариий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 1; друнгариий (Константин) — Barber. gr. 240, fol. 164; проэдр (Константин) — Scr. min., II, ep. 31; магистр и сакеларий (Константин) ¹⁶ Bibl. gr., V, ep. 45; γενικός (без имени) — Bibl. gr., V, ep. 117; 174.

Как видно из перечня, на долю Никифора остается, быть может, только титул γενικός. Многообразие должностей и титулов Константина, по всей вероятности, отражает его продвижение по иерархической лестнице ¹⁷.

Помимо упомянутых, братьям Кирулариям, вероятно, были направлены и других два письма, в леммах которых не сохранилось имени адресата: А) Bibl. gr., V, ep. 186. В письме Пселл сетует: «Я лишен тебя и бра-

¹¹ Н. Скабаланович. Византийская наука и школы в XI в.— «Христианское чтение», 1884, стр. 730 сл.

¹² Михель (Schisma und Kaiserhof. . ., S. 429) малоубедительно связывает содержание этого письма с событиями схизмы 1054 г.

¹³ Имя Никифора указано в лемме одного из неопубликованных писем Пселла (Barber. gr., 240, fol. 164—165): Τῷ δρουγγαρίῳ καὶ ἀδελφῷ αὐτοῦ κερῷ Νικηφόρῳ. Р. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos.— REB, 25, 1967, p. 54, № 1. В переводе леммы этого письма Г. Вейс (G. Weiss. Forschungen..., S. 29) допускает неточность, полагая, что послание адресовалось друнгарию Никифору, брату адресата предыдущего письма. На самом деле лемму нужно понимать: «друнгарию и его брату киру Никифору». Как явствует даже из тех выдержек, которые приведены самим Вейсом, письмо было направлено сразу обоим братьям.

¹⁴ Iohannes Zonaras. Epitome historiarum, ed. Th. Büttner — Wobst, 1897 (далее — Zon), III, p. 670.

¹⁵ В парижской рукописи, по которой текст издан у Сафы, письмо леммы не имеет. Адресат назван ὁ ἐπί τῶν χρίσεων в тексте послания (p. 411. 21—22). К Константину письмо отнесено только в Cod. Barber.

¹⁶ В анафеме латинских послов Михаилу Кируларию лета 1054 г. упоминается также сакеларий патриарха Константин (C. Will. Acta et scripta, quae de controversiis eccl. gr. et lat. saec. XI composita extant. Lipsiae et Marp., 1869, p. 154). Возможно, он идентичен племяннику Кирулария.

¹⁷ Икономидис (N. Oikonomidès. Le Serment de l'Impératrice Eudocie.— REB, XXI, 1963, p. 119—120) приписывал должность логофета геникона также Константину. Друнгариий и протопродр Константин известен среди чиновников Михаила VII. См. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, II, Berlin—München, 1925, № 1004. Родиус полагал, что Константин — адресат Пселла — это будущий император Константин Дука, женатый на племяннице Кирулария Евдокии (B. Rhodius. Beiträge..., S. 14). Ошибку Родюса повторяют некоторые современные исследователи. Возможно, что племянника патриарха Михаила нужно видеть также в друнгариий и протопродре Константине, владельце проаския Кале, близ Константинополя (Scr. min., I, p. 357—359).

та твоего — прекрасной пары, которых я не променяю ни на какое блаженство» (р. 472, 13—14). Ниже Пселл говорит о том, что в его душе найдется место и для другого «племянника» (р. 472, 31) («племянник» — обычное обращение Пселла к Константину Кируларию). Датировать письмо можно только очень условно второй половиной 50-х годов: Пселл упоминает о принятии им монашества (р. 472, 21—22). В *Scr. min.* II, ер. 85, направленное $\acute{o} \acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{\omega}\nu$ (должность эту занимал Константин). В письме помимо воспоминаний о старинной дружбе содержатся сетования на то, что Пселл не может заступиться за адресата и вызвать его из ссылки (ситуация напоминает послание *Scr. min.*, II, ер. 31).

В хронологическом отношении письма эти следует распределить примерно следующим образом: а) *Bibl. gr.*, V, ер. 208. Братья являются еще учениками Пселла. Время написания: конец 40-х — начало 50-х годов; б) *Scr. min.*, II, ер. 214. В письме упоминается «госпожа-императрица» (Феодора). Время написания — 1055—1056 гг.; в) *Bibl. gr.*, V, ер. 1; 83; 84. В письмах речь идет о свадьбе Константина, посетить которую Пселл не может из-за своего монашеского звания. *Terminus post quem* для письма — лето 1054 г. (время принятия схимы Пселлом); г) *Bibl. gr.*, V, ер. 184. Написано позже предыдущих, поскольку упомянута уже «госпожа» — жена Константина: д) *Bibl. gr.*, V, ер. 85; 86. Письма связаны по содержанию и не могли быть написаны ранее середины — конца 60-х годов: у Константина уже достаточно взрослый сын, для которого Пселл может писать «ученые» письма (*Bibl. gr.*, V, р. 329—330); е) *Scr. min.*, II, ер. 31. В письме упомянуты «император, императрица, кесарь и патриарх», на милость которых может рассчитывать адресат. «Кесарь» у Пселла — обычно Иоанн Дука. Таким образом, письмо могло быть написано при Константине Дуде или в первые годы царствования Михаила Дуки, в период активной придворной деятельности кесаря Иоанна. Остальные письма не поддаются даже приблизительной датировке¹⁸.

Как видно, в хронологическом отношении источники об отношениях Пселла и Кирулария распределяются весьма неравномерно. Только два письма относятся ко времени Константина Мономаха, остальные письма датируются более поздним временем.

Несмотря на обилие материала, восстановить перипетии отношений Пселла и Кирулария непросто. Причина этого — не только хронологические лакуны в источниках, но и их односторонность (писем Кирулария к Пселлу не сохранилось), предопределенная жанром тенденциозность эпикомия и «Обвинения», а также сугубо этикетный характер большинства писем. Последние два обстоятельства заставляют постоянно прибегать к методу «взаимной коррекции» источников.

Когда Пселл впервые познакомился с Кируларием, неизвестно. Можно предполагать, что это произошло еще в юношеские годы писателя. Во всяком случае, Пселл хорошо помнил старшего брата патриарха (*Bibl. gr.*, IV, р. 522), умершего до 1041 г. (*Bibl. gr.*, IV, р. 320). В те времена совсем еще молодой Пселл занимал мелкие государственные должности, а приближавшийся к 40-летнему рубежу Кируларий успел попасть в опалу за участие в заговоре против императора Михаила IV (*Bibl. gr.*, IV, р. 313). Когда в 1043 г. Кируларий взшел на патриарший престол, а Пселл вскоре после этого стал ипатом философов, императорским фаворитом и воспитателем племянников патриарха, контакты между ними стали уже неиз-

¹⁸ Кроме того, сохранилось еще три неопубликованных письма Пселла племянникам Кирулария. Помимо уже упомянутого *Varber. gr.*, 240, f. 164v—165, которое Вейс (*Forschungen...*, S. 29) весьма правдоподобно датирует концом 1059 г., также *Varber. gr.*, 240, f. 165. (*P. Canart. Nouveaux inédits...*, р. 54, п. 2; р. 60, п. 26). Вейс датирует его весной 1069 г. (*Forschungen...*, S. 30). С первыми двумя письмами мы имели возможность познакомиться по рукописи, фотографии которой были любезно присланы П. Шрайнером.

бежны. В энкомии Пселл, естественно, склонен идеализировать свои отношения с Кируларием [автор был «ближайшим человеком» к патриарху (Bibl. gr., IV, p. 332), имел возможность вблизи наблюдать за жизнью Кирулария (ibid., p. 339, 369), Кируларий восхищался красноречием писателя (ibid., p. 355)]. Исходя из априорных соображений, можно думать, что отношения этих людей не могли быть безмятежными: пытаюсь сохранить расположение Кирулария, фаворит Константина Мономаха попадал в нелегкое положение — отношения между патриархом и императором ухудшались стремительно^{18а}. Лавировать между светским и духовным владыками Пселлу должно было быть непросто. Свидетельствующий об этом пассаж энкомии нуждается в комментарии не только из-за обычной для византийского писателя нарочитой неопределенности выражений, но и потому, что в данном случае истина специально затемняется Пселлом: «Пусть мой рассказ пренебрежет туманной истиной, даже если след ее и промелькнул незаметно...», — замечает автор (Bibl. gr., IV, p. 356, 14—15). Пселл пишет: «Он (Кируларий. — Я. Л.) ревновал мою природу из-за того, что я склонялся к низшему и появлялся при дворе. Я же со своей стороны желал действовать в противовес ему (а этого не следовало делать) и склонялся в другую сторону. Если позже у нас и случались малодушные речи (*μικροψυχίας λόγος*), то тут-то он и нашел для себя предлог, в отношении этого я оправдаю себя позже и в другом сочинении, ведь сейчас я пишу не исследование, а энкомий. Единственное, о чем я скажу здесь, это то, что он ко мне, если можно так выразиться, отнесся не столь философски, как я к нему ... Если он черпал из моих источников (имеется в виду красноречие. — Я. Л.), то я не припадал к потокам его достоинств, не отведал и не воспользовался ничем полезным. Наше взаимное доброе расположение друг к другу сделало крен в другую сторону, и завистливый язык еще более усилил наше расхождение ... Волна смысла тогда многих и меня чуть не потопила...» (Bibl. gr., IV, p. 355—356).

Пассаж этот находится в контексте рассказа о времени Константина Мономаха, но представляет собой род отступления — «забегания вперед» (в конце Пселл пишет: «Но пусть моя речь вернется назад, ибо она слишком зашла вперед». — Ibid., p. 356, 22—23). Трудно сказать, что конкретно имеет в виду Пселл под «креном в другую сторону» в отношениях с Кируларием и «волной, чуть не потопившей его самого». Возможно, это уже события схизмы 1054 г. или даже обстоятельства более позднего времени, связанные с низложением патриарха. Интересно, однако, что причину охлаждения Пселл считает давней и видит в «ревности» Кирулария: патриарх недоволен тесными отношениями Пселла с императорским двором.

О том, что расхождения между духовным владыкой и философом начались при Мономахе, свидетельствует также самое раннее из опубликованных писем Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 159). Послание принадлежит к числу традиционных в византийской эпистолографии — это жалоба на пренебрежение со стороны адресата. Тем не менее, сквозь эпистолографический этикет проглядывает реальное содержание. Кто-то преследует автора («преследующий меня ... уже наступает мне на пятки»), счастье изменило ему («судьба переменилась ко мне и то, что я сколачивал понемногу, рухнуло сразу и вопреки всем ожиданиям»). — Ibid. p. 412), патриарх от него отвернулся, а поступки его истолковываются превратно («Если я вижу больше других, то меня считают не в меру усердным, человек простодушный, я приобрел славу ловкача, красноречие мое кажется злокозненным, философские писания вызывают подозрение, то, что я люблю беседовать с тобой, дает основание приписывать мне суетность; когда я достойно переношу несчастья, меня обвиняют в пренебре-

^{18а} См. в Энкомии самого Пселла (Bibl. gr., IV, p. 326, 334, 341, 357).

жении, а если малодушно сетую, то — в дерзости» — (Ibid., p. 413). Тот же мотив (выраженный к тому же в аналогичной синтаксической конструкции!) звучит также в позднем письме Пселла, где автор уже ретроспективно касается отношений с Кируларием этого периода: «Я выражал дружбу, а меня ненавидели, я любил, а меня отвергали, я говорил прекрасно, но слушали меня дурно ...» (G. Weiss. Forschungen..., S. 46.32—34). Там же рассказывается и о некоем клеветнике, оболгавшем Пселла перед патриархом. Можно, однако, думать, что Пселл не был только «несправедливо обиженным». Его собственное отношение к патриарху уже в то время далеко от идиллического восхищения. Это ясно из письма, направленного Пселлом своим ученикам — племянникам патриарха (Ibid., V, ep. 208). «Пусть образцом для вашего родственного сотрудничества будет божественный союз, я имею в виду вашего отца и дядю», — поучает братьев писатель. Коротко характеризуя членов этого «божественного союза», Пселл отдает явное преимущество умершему отцу перед здравствующим и занимающим патриарший престол дядей и к тому же кокетливо просит братьев не «предать» его патриарху (p. 522). Письмо заканчивается призывом следовать *отцовским* (курсив наш. — Я. Д.) добродетелям. Надо хорошо представлять себе эзопов язык византийской риторической прозы, чтобы оценить значение высказываний подобного рода.

Итак, намеки энкомия получают подтверждение в двух письмах, более или менее определенно датированных временем Константина Мономаха: расхождение и взаимное недовольство философа и патриарха имеют место уже в 40-х — начале 50-х годов.

Было бы весьма интересно узнать о позиции Пселла в событиях схизмы 1054 г. К сожалению, никаких определенных сведений об этом не сохранилось¹⁹, помимо одного упоминания имени писателя, содержащегося в постановлении Константинопольского синода от 20 июля 1054 г. Это было жаркое время в Константинополе. Патриарх неистовствовал против легатов римского папы, предавших его анафеме, как еретика. Император лавировал, пытаясь умиротворить западных послов и в то же время окончательно не поссориться с Кируларием. Примерно около 20 июля он отправил патриарху письмо с сообщением, что им наказаны некоторые (отнюдь не главные) его «обидчики». Послание Мономаха передавал «ипат философов и вестарх Константин» (без сомнения Пселл). Возможно, это случайность: на месте Пселла мог быть любой иной чиновник. Вероятней, однако, другое: согласившийся на компромисс, император отправляет в числе передающих примирительное послание человека, который может рассчитывать на милостивый прием сурового Кирулария. Как известно, основной смысл сообщения у византийцев часто не содержался в письме, а устно передавался через письмоносца — таким образом, личность последнего приобретала большое значение! Не играл ли Пселл роль буфера в отношениях светского и духовного владык? Предположение это тем правдоподобней, что в дальнейшем новому императору, Михаилу Стратиготику, Пселл советует примириться с патриархом (Scr. min., II, p. 88). Уже испытывающий неприязнь к личности Кирулария Пселл, тем не менее, не хочет разрыва с патриархом. Напротив, в конце царствования Мономаха в отношениях между ними наступает период краткого потепления (*βραχὺς ὁ ζέφυρος*. — G. Weiss. Forschungen..., S. 47.40 ff.), который, однако, быстро кончился с восшествием на престол Феодоры. Вновь жа-

¹⁹ Выяснить эту позицию в специальной большой статье, уже цитированной нами, пытается Михель, однако большинство построений ученого — не более как вероятные гипотезы, чисто логическим путем выведенные одна из другой. Михель пытается представить, как должен был бы действовать Пселл в определенных исторических ситуациях. Однако, как известно, человеческое поведение отнюдь не всегда подчиняется предписаниям тривиальной логики.

луется философ на некоего «сикофанта», обогнавшего его перед патриархом, в то время как сам Пселл находился вдали от столицы (*πόρρω καὶ ἤμενος*). Возможно, это новое охлаждение нашло отражение и в письме, датируемом временем Феодоры (Bibl. gr., V, ep. 160). Пселл жалуется на пренебрежение со стороны Кирулария, мечтает увидеть его, соглашается на роль пса, которому достаются куски с патриаршего стола (p. 415). Остальные письма этого периода (Bibl. gr., V, ep. 56—58) представляют собой изысканно-риторические благодарности за присланную патриархом рыбу, выражают надежды на благосклонность адресата. Попытка извлечь из этих этикетных посланий реальное содержание — занятие почти безнадежное.

Только одно произведение Пселла этого периода, обращенное к Кируларию, представляет собой явный и открытый разрыв этикета и потому заслуживает особого внимания (Bibl. gr., V, ep. 207). Отсутствие оснований для точной датировки и незнание реальных обстоятельств, вызвавших его появление, не позволяют расшифровать многие содержащиеся в нем намеки, тем не менее смысл ясен: Пселл высказывает свое истинное отношение к патриарху; неприязнь, раньше выражавшаяся лишь в туманных намеках, неожиданно выходит наружу. По форме речь — иронический «синкрисис», объектами которого являются сам Пселл и Кируларий. Внешне автор преисполнен почтения к патриарху и презрения к себе, в действительности он всячески унижает Кирулария и превозносит себя. Ироническая оболочка нередко вообще уступает место прямому обличению. Противопоставление предваряется общей презумпцией: «Ты небесный ангел..., я же таков, как есть, разумная природа, соединенная с телом..., я признаю, что я человек, существо изменчивое и непостоянное..., ты же — один из всех, неколебимый и неизменный» (Bibl. gr., V, p. 506). Между этими людьми «горы, моря и материка». Всё противоположно в них (p. 507, 16). Род Кирулария славен, Пселла — безвестен. Знания и мудрость Кирулария приобретены без всяких усилий с его стороны (*ἀνεπιστήμη καὶ ἀποσοφία*). Пселл, напротив, «много времени провел над книгами, изучил философию и риторику» (p. 507). Кируларий считает науки «пустой болтовней», Пселл их изучает. Кируларий внушает людям ужас, ненавидит их, несет не мир, но меч; Пселл страдает ближним и не может даже видеть чужих страданий (p. 510). Кируларий, «демократический муж» (*δημοκρατικὸς ἀνὴρ*), ненавидит монархию, в то время как Пселл — принципиальный сторонник единовластия (p. 512).

В приведенном противопоставлении создается четкий нравственный и интеллектуальный образ константинопольского патриарха — человека невежественного, злого, нетерпимого и самовластного²⁰.

Заранее отказываясь даже от постановки вопроса о соответствии персонажа прототипу, постараемся выяснить, насколько оценка Пселла соответствует его действительному отношению к патриарху.

Нам может помочь метод «взаимной коррекции» источников, о котором говорилось выше. Материал же для этого дает «Энкомий» — произведение, написанное через несколько лет после речи, при иной политической ситуации и относящееся уже к иному жанру. Если в первом случае целью Пселла было унижить патриарха, то во втором — возвеличить. В соответ-

²⁰ Именно такой созданный Пселлом (совпадающий в ряде деталей с характеристиками западных средневековых источников) образ Кирулария восприняла западная историография XVIII—XIX и частично XX в. Не последнюю роль в этом играли причины конфессионального свойства. Очень активно (из вполне понятных соображений) против этого выступали некоторые православные историки церкви. См., например, анонимную брошюру «Михаил Кируларий, патриарх константинопольский» (Киев, 1854). Даже у такого трезвого ученого, как Н. Скабаланович, «невежественный, злой и нетерпимый» Кируларий становится «твердым, неколебимым, хладнокровным» (Н. Скабаланович. Разделение церквей при патриархе Михаиле Кируларии. — «Христианское чтение», 1885, стр. 737).

ствии с этой задачей Кируларий в энкомии выступает как носитель всех добродетелей, душевные и телесные доблести которого воссияли уже в младенческом возрасте (IV, р. 308)). Среди достоинств патриарха — любовь к учености и словесности (р. 354—355), кротость (р. 344), доступность и привлекательность (р. 352) и т. д. Во всех этих свойствах Кируларию решительно отказывал Пселл — автор речи, произнесенной за несколько лет до того.

Тем не менее на втором плане энкомия присутствует иной образ патриарха, резко контрастирующий со стандартизированной фигурой «первого плана». Этот образ «второго плана» чаще проявляется не в риторических описаниях, а в деталях и нюансах. Вот некоторые примеры. Говоря о риторических занятиях патриарха, Пселл отмечает его пристрастие не к «внешней красоте» и не к «убедительности» речи, а к истине и твердости, свойственным философии (р. 310): стремление Кирулария к неприкрашенной истине оттеняет суровость его нрава. Константин Мономах, который всем прочим людям являлся приветливым и обаятельным, в отношениях с патриархом нередко оказывался «мрачным и ошестившимся»²¹. Император в данном случае так, видимо, реагирует на поведение Кирулария. Далее Пселл уже без обиняков пишет о мрачности, суровости и гневливости самого Кирулария, объясняя, впрочем, эти свойства стремлением патриарха воспитывать людей в добродетели (р. 342—343).

Противоречие образов «первого и второго планов» особенно наглядно в той части энкомии, где содержится сравнение (синкрисис) Кирулария с его старшим братом, пользующимся явным предпочтением писателя. Вот вкратце пункты этого противопоставления: Кируларий превосходит брата в устремлении к высшему; Кируларий сосредоточен и малодоступен для собеседника; его брат обладает приятной внешностью, в его облике отражена душа, лик его исполнен харит. Ум Кирулария строгий, у брата острый, речь Кирулария искусная, у брата бойкая. Одежда и образ жизни Кирулария простые, у брата пышные. Брат женился и имел детей, Кируларий старался жить «выше природы». Природа старшего брата более земная, и он предпочел светское образование. Кируларий все свои занятия, в том числе и политические, оставил ради дел духовного свойства (р. 310—311). «Второй» образ Кирулария скорее напоминает портрет патриарха в разобранной выше речи, нежели персонаж первого плана того же энкомии. Реальный прототип как бы вступает в противоречие с идеальной схемой, которая на него накладывается. Конфронтация героев (Кирулария и самого Пселла, Кирулария и его старшего брата) в обоих случаях проводится по одному четкому принципу: противопоставляются «духовный» и «светский» типы человека. Принцип этот назойливо проводится Пселлом постоянно. Не выходя за пределы круга отношений с семьей Кирулария, можно сослаться на уже упомянутое сравнение Кирулария с его старшим братом в письме к племянникам патриарха (Bibl. gr., V, ep. 208), а также на сопоставление самих племянников, содержащееся в энкомии²².

Во всех четырех «синкрисисах» сравниваются не отдельные разроз-

²¹ *σβύνοος καὶ πᾶρρηχός* (р. 325). Вместо *πᾶρρηχός* возможно, следует читать *πᾶρροῦτιχός*. Сочетание этих двух причастий нередко встречается у Пселла (Chron., I, p. 2) и других авторов (*Attal.*, p. 65, 14—15).

²² Старший брат — божественный муж, который не допускает к устам своим худую речь, не открывает уши для мерзких речей, всегда одинаков, не меняется в зависимости от обстоятельств, человек, ценящий прямоту и не знакомый с ложью, не вызывающий подозрений ни в ком другом и не подозревающий других, простой душой, не заботящийся о внешнем и ненавидящий суету. Второй брат, напротив, «приятного нрава и обаятелен в беседе, обладает умением проникать в души и по внешним признакам заключать о внутреннем содержании. Это человек, доступный не для всех, а только для тех, кого выбрал сам, заключающий дружбу не сразу и не со всяким, а только с теми, которых хорошо знает и испытал... Он умен, как никто другой» (Bibl. gr., V, p. 352).

ненные свойства, а два типа людей, в каждом из которых сочетаются определенные взаимосвязанные и взаимообусловленные свойства личности. Для духовного типа характерны: неизменность, суровость, непреклонность, пренебрежение внешним и земным, устремленность к высшему, самоуглубленность, отсутствие интереса к людям и дружбе.

Для «светского» типа характерны: изменчивость, умение приспособляться к обстоятельствам, занятия земными делами, приветливость и ласковое отношение к людям, любовь к прекрасному, увлечение науками и риторикой. Такой принцип разделения людей для Пселла — своеобразный стереотип в оценке современников. Сочувствия к «светскому типу» Пселл почти никогда не скрывает, хотя резкость противопоставления в каждом случае различна. В речи, с которой мы начали свои рассуждения, Кирулария и Пселла разделяет непроходимая пропасть.

То, что мы назвали «стереотипом», — без сомнения, отражает реальную ситуацию в духовной жизни византийской интеллигенции XI в. В период подъема светской культуры и «христианского гуманизма» формируется категория людей (и сам Пселл — ее наиболее яркий представитель), у которых широта образования сочеталась с терпимостью и определенным вольномыслием. В то же время продолжает развиваться идеология религиозного фанатизма и аскетизма.

Изображенный Пселлом Кируларий чрезвычайно напоминает, например, другую известную фигуру того времени: старшего современника патриарха — Симеона Богослова. Проповедь абстрактной христианской любви к человечеству оборачивалась у Симеона суровостью и недоброжелательством к конкретному человеку, фактическому отказу от любви к ближнему. Как и у Кирулария, нелюбовь к человеку сочеталась у Симеона с презрением к наукам²³. То и другое одинаково отвлекает от служения богу! Совпадения между Симеоном и Кируларием объясняются не только общим идеологическим климатом эпохи: ученик Симеона, тоже известный богослов — Никита Стифат, был ближайшим соратником Кирулария!

Заключительный этап отношений Пселла и Кирулария приходится на 1058 г. и носит драматический характер. Трагизм событий, связанных с изгнанием и смертью патриарха, привлекает к ним постоянное внимание историков, и потому эпизод этот непременно освещается даже в общих работах по византийской истории. Уже это делает излишним подробное его изложение. К концу 1057 г. отношения между Исааком Комнином и Кируларием стали напряженными до предела. Исаак действовал решительно. Воспользовавшись удобным случаем, он велел схватить патриарха и отправить его на остров Приконис. Поскольку непримиримый Кируларий отказался добровольно оставить престол, император назначил суд, который должен был собраться в небольшом местечке фракийского Херсонеса. Однако до суда дело не дошло, поскольку патриарх скоропостижно скончался. Роль Пселла в этих событиях была первостепенной. Об этом прежде всего свидетельствует тот факт, что составить обвинительное заключение против патриарха было поручено именно ему. Однако советами философа император Исаак явно пользовался и раньше. Намек на это содержится у Атталиата. По его сообщению, Исаак отправил к заточенному на острове Кируларию «наиболее ученых митрополитов» с заданием убедить узника добровольно отказаться от престола, причем такой совет подали императору некие «высокопоставленные лица, которым хорошо были известны доблести патриарха, но которые применялись (забавы льстецов!) к обстоятельствам» (Attal., p. 64—65). Зная нелюбовь Ат-

²³ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — ВС., XXVIII, 1, 1977, p. 18. Ср. Я. Любарский. Пселла в отношениях с современниками (Мавропод, Ксифилин, Лихуд). — «Палестинский сборник», 23, 1971, стр. 125—143.

талиата к Пселлу, можно предположить, что под «высокопоставленными лицами» имелся в виду и первый философ империи ²⁴.

Эпизод с обвинением Кирулария — обычно самый сильный аргумент тех биографов Пселла, которые акцентируют внимание на «моральной» неполноценности великого средневекового писателя ²⁵. Действительно, роль прокурора на процессе, исход которого предрешен заранее, еще никогда — несмотря на значительную трансформацию нравственных устоев общества — не делала чести ни одному историческому деятелю ²⁶. Содержание обвинительного заключения подтверждает самые нелестные оценки Пселла современными исследователями. Этот обширный документ, несмотря на все риторические издержки, составлен со строгостью юридического акта. Уже в преамбуле против Кирулария выдвигается пять основных пунктов обвинения, разворачивающихся затем в обширное произведение, занимающее около ста страниц нового издания. Каждый, во всяком случае из первых четырех, пункт достаточен для того, чтобы лишить патриарха не только престола, но и жизни. В вину патриарху ставятся: 1) покровительство неким двум хиосским монахам, а вместе с ними и женщине по имени Досифея, устраивавшим запретные оргии и прорицавшим будущее. Статья обвинения — нечестие (*ἀσεβεια*); 2) злоумышление сразу против двух императоров — Михаила Стратиготика и Исаака Комнина с целью захвата царской власти. Статья обвинения — узурпация (*τυραννίς*); 3) подстрекательство к убийствам, имевшим место в дни перехода власти от Михаила Стратиготика к Исааку Комнину. Подстрекательство приравнивается к убийству; 4) разрушение храма. Статья обвинения — святотатство (*ἱεροσυλία*); 5) издевательство над священным писанием, недостойное поведение в церкви, злопамятство, мстительность, недоброжелательство к людям, занятия алхимией. Эти разнообразные обвинения объединяются под статьей *ἀδιαφορία*.

Уже первые ученые, исследовавшие текст этого обвинительного заключения, обнаружили белые нитки, которыми спит этот документ, почти целиком состоящий из натяжек или прямой лжи. Кируларий, например, не противодействовал захвату власти Исааком, а напротив, спешествовал ему, о чем говорят все историки, в том числе и Пселл. Разрушение церкви (речь идет о церкви св. Андрея в Константинополе) на самом деле было ее перестройкой. В вину патриарху Пселл вменяет те «грехи», в которых был в первую очередь повинен сам (занятия алхимией, неоплатонической философией и т. п.).

Нет нужды еще раз произносить филиппики против Пселла или, наоборот, подыскивать ему оправдания. Гораздо интереснее постараться понять атмосферу, в которой должно было происходить судилище, и в связи с этим проникнуть в логику и метод обвинений, выставленных философом, взявшим на себя роль прокурора. Для того и другого речь дает достаточно материала.

²⁴ Атталиат ни разу не называет Пселла по имени, хотя в нескольких случаях имеет в виду именно его.

²⁵ См. Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 76 сл.

²⁶ Первым разоблачителем Пселла оказался... сам Пселл. В энокмии он пишет: «Император созвал всех мудрых и ученых людей и воспользовался их помощью для борьбы с патриархом. Ни один здравомыслящий человек не бросит им упрека, во-первых, потому, что любой поступок может быть истолкован двояко, как хороший и как дурной..., во-вторых, потому, что хотя большинство из соучастников и были самого лучшего мнения о предпринятых патриарха перед лицом суровых испытаний, тем не менее воля императора, чтоб они судили так, а не иначе, заставила их согласиться с его мнением (Bibl. gr., VI, p. 370). Эти самооправдания скорее напоминают саморазоблачения, о чем писал еще П. Безобразов (Указ. соч., стр. 83). Любопытно сравнить слова Пселла с только что цитированным высказыванием Атталиата (*Attal.*, p. 64—65). Две совершенно различные оценки «классического» византийского сервиллизма!

Прежде всего, не надо думать, что предполагавшийся суд был бы простой расправой над уже поверженным противником. Не случайно император при аресте патриарха боится возмущения горожан, не случайно он старается не довести дела до суда, а когда это не удается, назначает заседание синода вне Константинополя; не случайно, наконец, обвинение поручается самому ученому философу и самому искусному оратору — Михаилу Пселлу. Твердая позиция Кирулария после ареста не только была плодом упрямства или фанатической убежденности, но и основывалась, видимо, на трезвом расчете: патриарх собирался на заседании синода дать императору бой, исход которого еще не был окончательно предсказан. Кируларий мог, видимо, рассчитывать на демарши своих сторонников во время суда; во всяком случае, Пселл, готовя проект речи, учитывал такую возможность. В тексте «Обвинения» содержится несколько обращений к возможным защитникам патриарха (р. 265, 275, 299, 307, 309). Слова Пселла можно было бы принять за простой риторический прием, но в одном месте предполагаемый прокурор прямо говорит о разногласиях в синоде: «К тому же среди части нас существуют противоречия — некоторые с нами, некоторые с противной стороной. Одни из осторожности не голосуют беспристрастно, другие дерзко и неразумно возражают, при этом не выдвигают доводов (а что могли бы они сказать!), а только понапрасну шумят и будоражат собрание. Эти немислимые глупости они выражают в речах сбивчивых и бесформенных, и нечестивцам при этом кажется, будто они поступают благочестиво, бесчеловечным — будто действуют человеколюбиво, а совершающим величайшее бесстыдство — будто соблюдают осторожность» (р. 311).

Чтобы парализовать возможных защитников, Пселл пишет: «Присутствуют здесь и такие, кто собирается встать на его (патриарха.— *Я. Л.*) защиту. Мне стыдно за них. Более того, я боюсь, как бы, рассчитывая безболезненно извлечь копьё из другого, они еще больше не разбередили бы зазубринами его раны и, неумело вытаскивая копьё, не вонзили бы его в самих себя — в этом случае они сами уже не будут иметь защитников: их пример всех облагоразумит. Не воображайте, будто вы жалуете патриарха, а мы — дерзкие и наглые. Мы не менее вас любим этого мужа, а более всех император...» (р. 265).

В приведенном отрывке интересна не столько прямая угроза по адресу противников (у них-то самих уже не найдется защитников, расправа над ними, по мнению автора, дело решенное!), сколько его заключительные фразы: оказывается, по настоящему любит патриарха не тот, кто его обороняет, а тот, кто... на него нападает.

Мысль эта находит дальнейшее развитие: пусть лучше духовный владыка на земле потеряет престол, чем лишится вечного блаженства на небе (р. 327). Кирулария разоблачают и преследуют как бы ради его собственной пользы. Так возникает своеобразная «логика наизнанку», подмена понятий, характерная для всего обвинения. Апогея этот «метод» достигает в конце — в заключительном аккорде речи, цель которого — устрашение инакомыслящих. «Если вы выберете первое (оправдание патриарха.— *Я. Л.*), то выражайте свою волю письменно, чтобы император имел оправдание, когда его подвергнут по этому поводу суду и строгому допросу. Пусть тогда церковь снова распахнет двери для языческих сборищ, прориданий, тревожников, дабы восторжествовал дух, противный божественному. Но если вы не допустите этого, то смело все сообща голосуйте за низложение патриарха» (р. 326—327).

Не говоря о том, что несогласным предлагается дать письменное свидетельство своего несогласия: в тех условиях это безусловно опасная акция. Гораздо интересней, как Пселл пытается облегчить внутреннюю борьбу тем, кто еще колеблется и боится. Философ внушает таким членам синода две мысли. Первая: голосуя против Кирулария, они подадут свой

голос не столько против конкретного патриарха, сколько против утверждения в святых церквах языческих оргий и, таким образом, против «нечестия» вообще. Благодаря лукавой логике малодушие превращается в «борьбу за идею». Вторая: сторонники патриарха, голосующие против него, проявляют не трусость, а, напротив, мужество. В речи так и сказано: смело голосуйте (θαρρόθυτος... φηρίσασθε — р. 326—327). Оба эти утверждения должны были успокоительно действовать на совесть и даже приподнимать в собственных глазах тех, кто в душе уже решил на предательство.

Как уже отмечалось, так и не произнесенное «Обвинение» очень подорвало репутацию Пселла среди новых исследователей его творчества. Не имея намерения подыскивать моральные оправдания Пселлу, укажем лишь на необходимость рассматривать «Обвинительную речь» в контексте всей истории отношений обвинителя и обвиняемого. Пселл — отнюдь не простое орудие в руках мстительного императора. Расхождения между философом и патриархом имели глубокие корни, и в этом смысле речь была лишь заключительным этапом давней вражды. Если же характер выдвинутых обвинений не вяжется с образом самого обвинителя, то причина этого не в особом «коварстве» Пселла и тем более не в резкой перемене его мировоззрения, а в специфической идейной атмосфере Византии, где идейная борьба требовала уличения противника в «отступлении» от общеобязательных догм. Впрочем, своих прежних претензий к Кируларию Пселл не забыл, а как бы отстранив на второй план, сконцентрировал их в последнем, пятом параграфе речи (статья обвинения *ἀδιαφορία*). Кируларий, утверждает философ, недоброжелателен к людям, злобен, злопамятен, подозрителен, груб; он не любит красноречия и презирает философию, душа его недоступна прекрасному. Перед нами вновь (в том же наборе качеств) возникает фигура того Кирулария, которому противопоставлял себя Пселл в первой своей речи, подготовленной для произнесения против патриарха.

Однако в «Обвинении» все акценты смещены. Первая речь (независимо от повода, по которому она появилась) была орудием идейной борьбы, вторая — доносом, где здравый смысл заменен «логикой наизнанку», а юридическая четкость — ее внешней имитацией. Вполне возможно, что Пселл стремился повергнуть не только строптивного врага императора, но и религиозного фанатика, стоявшего на пути светской византийской культуры. Однако средства, которые он собирался при этом применить, явно компрометировали цель.

Через несколько лет после смерти патриарха, уже при императоре Константине X Дуке, женатом на племяннице Кирулария, Пселл произносит большой торжественный панегирик в честь бывшего противника. Как и следовало ожидать, патриарх в нем оказывается и самым красивым, и самым ученым, и даже самым милостивым. Таковы были не только законы жанра, но и требования ситуации! Мертвых врагов часто бывает выгодней считать друзьями!

На этом можно было бы закончить рассмотрение отношений Пселла и Кирулария, однако среди писем Пселла сохранилось несколько посланий писателя племянникам патриарха, Константину и Никифору. Молодые люди, судя по всему, были весьма близки патриарху, и переписка с ними добавляет интересные штрихи как к истории связей философа и патриарха, так и к характеристике духовной жизни византийцев того времени. Переписка с племянниками Кирулария продолжалась в течение долгого времени. Первое письмо написано в конце 40-х, последнее — не ранее середины 60-х годов. В отличие от чреватых переменами и катаклизмами отношений с Кируларием связь Пселла с его племянниками носила ровный характер, письма, которые им направил философ, по своему духовному настрою составляют единое целое.

Через всю эту переписку, длившуюся не менее двух десятилетий, лейтмотивом проходит мысль об особой духовной близости корреспондентов. Уже в первом послании, озаглавленном «О дружбе»²⁷, Пселл выражает радость по поводу того, что братья всем другим сочинениям предпочитают его (Пселла) писания, и считает это проявлением «родства душ» (Bibl. gr., V, p. 514). «Если есть определенный тип душ..., если есть какое-то родство душ и какие-то присущие им свойства,— повторяет Пселл уже около 1054 г.,—то наши души познали друг друга» (Bibl. gr., V, p. 323). Та же мысль звучит и в одном из последних писем Пселла, датированных серединой 60-х годов (Scr. min., II, ep. 31, p. 46—47). Как и в некоторых других случаях, у Пселла мотив дружбы и «духовного родства» оказывается тесно связанным с темой учености и науки. Уже в первом послании Пселл выражает желание постоянно жить с братьями, преподнося им всевозможные науки. «Науки,— проповедует писатель,— смывают грязь с душ и делают их природу чистой и воздушной. Если кто начинает одинаково мыслить о вещах значительных, то скоро и в малом уничтожается различие их мнений. Вместе избрав науку, сделайте ее нерушимым залогом единомыслия».

Мысль автора выступает здесь обнаженно: согласие людей того типа, к которому причисляет себя и племянников патриарха Пселл, зиждется на «идейных» основах: они единомышленники в своей преданности науке (этим словом мы очень неточно передаем античное и византийское понятие λόγος, под которым следует понимать всю систему культуры и образованности того времени). Мысль эту Пселл высказал в письме к своим ученикам-юношам. Через много лет Пселл²⁸ направляет им, уже зрелым мужам, послание, в котором увещевает стойко переносить обрушившиеся на них беды, находя утешение в словах и мыслях: «Мужественно переносите несчастья, и пусть ничего не заставит вас забыть надлежащие слова и мысли» (Vagber. gr., 240, fol. 164 v.). Бывший учитель напоминает им о своей дружбе и о беседах, как философских, так и веселых, которые они вели в лучшие времена. Еще через одно десятилетие отец семейства, высокопоставленный чиновник Константин Кируларий просит бывшего учителя направлять ученых по содержанию и прекрасные по форме послания для наставления его подросткового сына (Bibl. gr., V, p. 329—330).

Как можно судить по содержанию и тону писем, «наука» (λόγος), о которой писал Пселл, отнюдь не ограничивалась комментаторским педантизмом, свойственным византийской учености. В только что упомянутом письме Пселл, неожиданно оборвав изложение ученых сюжетов, заявляет: «Кажется мне, что ты не очень-то склонен к предметам благородным, а скорее к тем, которым свойственна красота, врожденная или внешняя. Клянусь твоей святой душой, и я той же чеканки, что и ты. И меня очаровывают красивые цветы и прелести как трав, так и слов; и меня не так побеждают пэониец Демосфен и лаодикиец Аристид, как лемносец Филострат — особенно своими описаниями статуй,— который в состоянии смягчить камень, расплавить металл и исторгнуть слезы даже из железных глаз» (Bibl. gr., V, p. 329)²⁸.

²⁷ Произведение это, опубликованное Сафой среди писем, на самом деле является трактатом, который, как обычно в средневековье, был адресован определенным лицам, в данном случае — братьям Кирулариям. Свидетельство этому — как леммы («О дружбе» — в Paris. gr., 1182, «Слово, называющее о дружбе» — Vat. gr., 672), так и местоположение произведения в обоих кодексах среди речей, трактатов и т. д. Кроме того, сам Пселл называет свое сочинение λόγος (p. 514, 20, 23), а не ἐπιστολή. Характерно, что трактат о дружбе Пселл направляет именно братьям Кирулариям.

²⁸ Напомним, что увлечение «медоточивым Филостратом» в ущерб знакомству с более серьезными авторами (в том числе упомянутыми здесь Демосфеном и Аристидом!) осуждается Пселлом в произведении «О стиле некоторых сочинений» (Psellos. De operatione daemonum, ed. Boissonade. Norimb., 1838, p. 48 sq.).

Эстетизм (на языке византийских авторов — «почитание харит», в отличие от почитания муз, символизирующих более серьезные предметы) свойствен не только литературным вкусам, но и вообще жизнеотношению Пселла в том виде, в котором оно нашло выражение в письмах к племянникам патриарха. Характерно, что одно из очень немногих описаний природы, встречающихся у Пселла, содержится в его письме именно к Константину (Scr. min., II, p. 256).

К этим трем мотивам, характерным для переписки Пселла с Константином и Никифором (культ дружбы, уважение образованности, эстетизм), логично добавляется и неприменный интимный тон посланий. В трех письмах философа к Константину речь идет о бракосочетании последнего (Bibl. gr., V, ep. 1; 83; 84). Недавно принявший схиму, Пселл очень хочет посетить свадьбу, однако монашеское обличие не позволяет ему сделать этого. Всяческими способами пытается Пселл найти удобную лазейку и успокоить как возможное недовольство окружающих, так и собственное чувство долга — впрочем, не очень сильное. В конце концов философ даже предлагает Константину «насильно» задержать его, когда он «ненадолго» заглянет на торжество (Bibl. gr., V, p. 321). Последнее письмо из этого цикла заканчивается весьма знаменательным признанием: «Душа у меня веселая и падкая до удовольствий. Если я встречаюсь с харитами, то бываю тотчас покорен ими, моя мысль расслабляется, и я как бы подставляю лицо веянию зефира...» (Bibl. gr., V, p. 324).

Образ писателя, раскрывающийся в этом послании, весьма далек от догматического ригоризма. Как Пселл, так и Константин — люди, ценящие жизненные радости не меньше ученых занятий. Связь между ними — отношения ученых единомышленников, не лишенная, однако, черт дружбы эпикурейско-горацианского типа. «Разве ты не понял шуточный смысл письма, — увещевает писатель Константина в другом послании, — разве ты не знаешь, что я составляю письма наподобие любовных посланий, ибо размовка возбуждает влюбленных больше, чем поцелуй, потому природа и создала розу с шипами, чтобы люди одновременно вдыхали аромат и возбуждались..., разве мы не так беседуем друг с другом и насмеемся друг над другом?» (Bibl. gr., V p., 467). Диапазон чувств, выраженных в письмах Пселла племянникам Кирулария, достаточно обширен и явно выходит за рамки обычного эпистолярного этикета. Можно указать, например, на элегическое послание (Scr. min., II, стр. 214), традиционная риторика которого не может скрыть искренности чувства, или на поздравительное послание в связи с рождением сына, полное умиления перед ребенком (Bibl. gr., V, ep. 157). Стиль переписки Пселла с племянниками патриарха одновременно напоминает и отношения ученой дружбы с людьми типа Иоанна Мавропода, и светские дружеские связи с оттенком эпикуреизма, проявившиеся в посланиях кесарю Иоанну Дуке.

Знаменательно, что отношения такого рода устанавливаются у Пселла с племянниками патриарха Михаила Кирулария — нравственного и интеллектуального антипода Пселла. Водораздел, проходящий через всю элиту византийского общества, пересекает и семью Кирулариев.